

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей – за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ВРАГИ. НАРОДА.

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Враги народа

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Враги народа / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2020 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-113878-3

1939 год. В столице действует антисоветская организация «Святая Держава», которая совершает теракты, сеет панику, наносит ущерб оборонной промышленности. Начальник спецотдела НКВД Ермолай Ремизов получает задание ликвидировать преступную группировку. Опытный оперативник решает дискредитировать главаря и лично возглавить организацию, чтобы после уничтожить ее. Чекистам удается внедриться в руководство «Святой Державы». Но заграничные кураторы, почуяв неладное, приказывают устранить Ремизова. Видя нависшую над ним смертельную угрозу, Ермолай принимает решение ускорить расправу с бандой. Для этого он предлагает «своим» боевикам план покушения на товарища Сталина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113878-3

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая. Возвращение из чистилища	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Тамоников

Враги народа

© Рясной И.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая. Возвращение из чистилища

Глава 1

Похоже, многоходовая оперативная комбинация накрылась. Да еще окружающая обстановка как нельзя лучше подходила для полноты ощущений позорного провала – низкое серое ленинградское небо, и мерзкое ноябрьское снежное крошево под ногами.

Алексей Протопопов терпеть не мог холодный, помпезный и неудобный Ленинград. И всей душой ненавидел, когда рушатся его с академической дотошностью, до мелочей распланированные планы. Ведь за этими обломками открывается неизвестность, готовая поглотить тебя.

Вчерашняя встреча, на которую должен был прийти долгожданный вестник, не состоялась. Пришлось больше часа прождать у Медного Всадника, маяча с журналом «Огонек» и повторяя про себя дурацкие, как обычно принято, слова пароля и отзыва, типа «как пройти к Мариинскому театру и какая опера там сегодня идет».

Кураторы с Лубянки возлагали на эту встречу большие надежды. Хотели посмотреть на большую шишку из Парижей-Лондонов, держащую в своих руках нити антисоветского подполья. Этому фигуранту, с учетом его миссии на территории России, присвоили псевдоним Ревизор. Сколько же сил и ресурсов ушло на подготовку этого свидания. И все впустую.

Первая встреча с объектом агентурной разработки – это как первый поцелуй. От результата зависят дальнейшие отношения и перспективы. Или установится плотный контакт, который позволит затеять с врагом долгую оперативную игру. Или сразу все пойдет кувырком, и останется одно – подать условный сигнал на задержание и спустить с поводка матерых волкодавов, которые трутся вокруг, присматривают за агентом и готовы скрутить хоть самого черта с рогами.

Угораздило же в свое время Протопопова стать участником тайных войн. Его отец, старорежимный профессор Московского университета, настойчиво внушал ему презрение к жандармам и их последователям, будто предчувствуя извилистую дорожку, по которой пойдет сын. А Алексей послушно хотел стать биологом – эта семейная профессия вполне соответствовала его упорству и усидчивости. Но имелась и авантюрная сторона его натуры, полковой трубой зовущая к риску и приключениям. Именно она толкнула его сначала не в ту компанию. А в итоге осенью 1929 года довела до застенков ОГПУ.

Оперативник, рассматривавший его дело, обращался с ним вежливо, даже как-то бережно. Ох, какой же это был мастер своего дела. Он так виртуозно сыграл на чувствах и порывах студента, что в ОГПУ появился идейный осведомитель, носящий оперативный псевдоним Тевтон. А вскоре, с учетом энергии и способностей, его перевели фактически в штат контрразведки на должность секретного сотрудника.

«Сексот» – это не осведомитель, который уши развесит, карандаш заточит и строчит сообщения о том, что слышал в курилках и кабинетах. Секретный сотрудник на острие удара, лицом к лицу с коварным и опасным врагом. Он внедряется, проводит операции, вербует.

Должность младшего научного сотрудника Института микробиологии Академии наук СССР была не столько работой, сколько прикрытием для агента-маршрутника. И он не столько корпел над микроскопом, сколько мотался по всему СССР, меняя личины, паспорта, имена.

Он хорошо знал румынский язык – мать его происходила из знатного румынского рода. В связи с этим его часто использовали на Юго-Западном направлении. То он внедрялся в среду контрабандистов и фальшивомонетчиков в Одессе. То осуществлял оперативное проникновение в контрреволюционную организацию в Кировограде. Научился вживаться в легенды, как в собственную биографию, нацеплять маски, на время становившиеся его собственным лицом.

Выполнять любой приказ любой ценой. И ходить по краю. Ведь враг смертельно опасен, о чем свидетельствует глубокий шрам на боку. И еще – врага порой надо уничтожать на месте, при том своими руками. Как тогда, в Киеве, где, выполняя приказ, он всадил пулю в спину важного функционера националистического подполья.

Он всем своим существом втянулся в новую жизнь. Стал азартен в охоте и был готов в лепешку разбиться ради результата. Но постепенно накапливалась усталость. Игры становились все более опасными. Риск уже не бодрил, а ложился тяжестью на душу. И приходило четкое осознание – когда ходишь все время по лезвию ножа, рано или поздно оступишься. А цена ошибки известна – жизнь.

Это его состояние заметил даже куратор – капитан из секретно-политического отдела НКВД, заявивший:

– В отпуск тебе надо, Леша. На море... Но только после того, как дело закончим по Ленинграду. Это важное дело.

– Закончим обязательно.

– Ты главное войди в контакт с фигурантом, – напутствовал капитан. – У нас как у электриков – главное контакт, а потом уж и ток потечет, и механизм заработает.

А этого самого контакта и не состоялось.

Почему фигурант не пришел? Почувствовал, что с ним играют? Или имелись иные причины? Если он жив и эти самые причины все же иные, то игру можно продолжить. Ну а если он понял, что Протопопов – чекист, тогда горят, как свечи, несколько серьезных комбинаций. И нужно выстраивать игру совершенно иным образом – то есть арестовывать всех, до кого дотянешься, и выводить из-под удара своих людей.

Ладно, нечего падать духом и ныть. Надо доделать работу. А для начала встретиться с Ростиславом – известным ленинградским художником, а заодно посредником во встрече. Сейчас он должен ответить на несколько принципиальных вопросов.

Понятное дело, использовали художника втемную. Тот искренне считал себя идейным борцом с «большевистской заразой». К нему Протопопов сейчас и направляется, утопая ногами в снежном, перемешанном с водой, месиве. Мимо роскошных домов с гранитными атлантами. Мимо ленинградцев, уныло бредущих в свете просыпающихся ночных фонарей.

Ростислав, как истинный художник, по доброй французской богемной традиции, занимал под мастерскую мансарду под крышей типичного ленинградского доходного дома. С нее открывался великолепный вид на Неву и увенчанный острым шпилем силуэт Петропавловской крепости.

Пустой уютный двор-колодец, почерневшие от времени, давно не крашенные массивные двери подъездов. Около одной из них Протопопов остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду. Повел плечами, сбрасывая груз неуверенности, дурных предчувствий и усталости. Погоревали – и хватит. Пора исправлять ситуацию.

На шестой этаж он взбежал уже вполне бодрый. Готовый к суровому разговору. Преисполненный желания растереть Ростислава в порошок.

Остановившись перед входной дверью, он подергал шнурок звонка. Донесся тонкий переливистый звон. И ни ответа ни привета.

Потом ударил ладонью по двери. И та неожиданно поддалась.

«Ладно, зайдем без приглашения».

Сердце тревожно екнуло, захотелось повернуться и уйти. Но он ступил вперед.

В мансарде царил полутьма. На столе неверным светом мерцала свечка, выдергивая из мрака мольберты, холсты, статуэтки – тот фирменный творческий беспорядок, который положен всякому приличному художнику. А Ростислав был хорошим художником... Именно был. Теперь его скрючившееся тело бездвижно лежало на полу. Протопопов с ужасом понял, что хозяин мастерской мертв.

А потом кольнуло ощущение близкой опасности и осознание, что он, легкомысленный дурак, только что вляпался по-крупному.

Протопопов отскочил в сторону и резко обернулся, готовый действовать.

Но не успел.

Мощный удар в живот сбил ему дыхание и опрокинул на пол. Тот, кто бил, обладал чудовищной силой.

Когда в глазах просветлело, Протопопов увидел нависшего над ним человека. И прошептал через силу:

– Ре-ви-зор!

– Ревизор? – усмехнулся тот. – Тогда ты – недостача!

И европейский эмиссар ловким движением свернул секретному сотруднику 2-го отделения СПО НКВД СССР шею...

Глава 2

Я ждал смерти. Давно уже это ожидание для меня не ново.

Обычно процесс надолго не затягивался. Несколько дней в камере, пара допросов, короткий вердикт Тройки. И итог – выстрел из револьвера в затылок на Бутовском стрелковом полигоне НКВД.

Причину моего ареста никто внятно объяснить не мог. Я был уверен, что мне вменяют убийство моего руководителя – начальника управления НКВД одной из областей Центральной России Гаевского и его цепного пса Граца. Но об их гибели вообще не спрашивали.

Внутренняя тюрьма в доме номер 2 на площади Дзержинского являлась каменным мешком, куда меня спрятали перед тем, как решить – убивать или не стоит. Хорошего там, конечно, было мало. Но имелись и некоторые плюсы. Например, возможность ощутить на своей шкуре нюансы чекистской работы с противоположной стороны – с той, где находятся враги народа и просто люди, подвернувшиеся под горячую руку НКВД. А этот опыт дорогого стоил.

Большинство камер внутренней тюрьмы – одиночные. Но меня, к счастью, определили в просторное узилище, где ждали своей участи еще пять постояльцев. В большинстве своем это были жестоко выбитые из комфортной колеи, раздавленные люди, еще недавно занимавшие крепкие, а порой даже высокие позиции в иерархии нашего общества.

Вон съезжился на нарах работник внешнеторгового ведомства, жалкий, неустанно причитающий о фатальной ошибке органов в отношении него. Однажды он разоткровенничался и сообщил, что на допросах зачисляет в свою троцкистскую организацию всех знакомых и полужаномых – ведь такое количество народу не арестуют, станет понятна абсурдность обвинений, и его выпустят. Эх, наивная душа.

На соседних нарах обосновался человек иной закваски – суровый генерал-летчик, уверявший, что ничего не скажет вредителям-чекистам, а товарищ Сталин во всем разберется. Однажды его привели с допроса прилично избитого, с окровавленным лицом. Но в его глазах по-прежнему горел упрямый огонек. Это волевой отчаянный боец. Не знаю только, за что его пустили под чекистский кузнечный пресс.

Присутствовал у нас и человек культуры – заслуженный артист Малого театра. Его взяли за длинный язык и операции с драгоценными металлами. Он картинно заламывал руки и причитал, что с интеллигенцией так нельзя обращаться, она соль народа, а когда просыпают соль – это не к добру.

Дни тянулись, как резина. Камера. Прогулки в небольшом тюремном дворе. Снова камера.

Не сказать, что условия были тяжелыми. Кормили неплохо, тщательно выверяя нормы довольствия. В Гражданскую куда хуже приходилось. Тяжелее всего было от царящих в камере уныния и безысходности.

Так прошел месяц. Потом еще один.

Выводили на ночные допросы меня всего три раза. Конвойный сопровождал меня по лестницам, проем между которыми был затянут проволокой – чтобы никто сдуру не прыгнул головой вниз. Потом по длинным гулким коридорам наркомата с частыми дверями. Здание до революции принадлежало гостинице страхового общества «Россия», и эти комнатенки были дешевыми номерами, где когда-то селились купчишки, балеринки и стряпчие.

В итоге я оказывался в крохотном кабинете с привинченными к полу стульями. Там ждал широкоплечий, с крестьянскими широкими руками и простоватым лицом капитан из аппарата Особого уполномоченного НКВД СССР. Из большого сейфа в углу он извлекал папочку с материалами дела. И начинался разговор.

Капитан был усталый и, как мне казалось, деморализованный. Без огонька и напора, как-то отстраненно он задавал вопросы, делая упор на мое пособничество врагам советской власти. Судя по некоторым специфическим оборотам и прямым цитированиям, донос ныне покойного старшего лейтенанта Граца, бывшего руководителя особой следственной группы нашей области, все же дошел до Москвы. А еще аукнулась личная неприязнь ко мне наркома Ежова.

Ни конкретики, ни явных претензий капитан не предъявлял, зато как заведенный долдонил про чистосердечное признание, которое даст мне возможность сохранить жизнь. Помоему, он сам с трудом представлял, что от меня хочет.

Прошелся он по делу завода «Пролетарский дизель», из-за которого и началась вся эта история. Лениво интересовался, сколько денег я получил от западных разведок, чтобы ограждать от правосудия врагов народа. В этих самых врагах числились директор «Пролетарского дизеля», а также руководитель аэроклуба, которых я в свое время сумел защитить от клеветнических обвинений. К удивлению и радости, через некоторое время я узнал, что все эти люди на свободе и трудятся на своих местах. То есть по логике получается, что никаких врагов я не освобождал. Но следствие это мало интересовало.

Иногда мне казалось, что у капитана одна задача – затянуть процесс как можно на более длительное время.

Однажды, ответив на все вопросы в стиле «не знаю, не виноват», я рассказал о внешторговце, припоминающем всех знакомых, чтобы оговорить их в плане участия в контрреволюционной организации. Капитан устало усмехнулся:

– Вы думаете, он один такой? Вон, знаменитый театральный режиссер умудрился оговорить аж сто человек.

– Стахановец. И что? Их всех арестовали?

– Да не смешите. Мы же с понятием.

– Тогда должны понять и то, что я здесь тоже зря. И выгода от моего здесь сидения только контрреволюционерам, которых я не добил.

– А вот тут мое понимание заканчивается, гражданин Ремизов. Поэтому вернемся к нашим баранам. Почему вы, будучи начальником областного Управления государственной безопасности, не приняли мер к...

И шло все по наезженному кругу.

Однажды допрос посетил сам Ежов. Кажется, он был пьян или под воздействием опия. В его взоре я не видел ничего человеческого – только муть и первозданная ярость.

Маленький, подвижный, он вперился в меня выпученными глазами и хрипло прокаркал:

– Кто таков? А, Ремизов! Двuruшник! Говори, кто входил в твою антисоветскую группу!

Если бы я и хотел ему чего сказать, он все равно не предоставил мне такой возможности. Тут же бросился на меня, ударил кулаком под дых, по шее, по лицу. Отдышался, взгляд его прояснился, какая-то радость просияла на его лице от того, что безнаказанно лупит человека, способного его соплей перешибить. Есть такая проклятая одержимость безграничной властью, делающая из людей бешеных зверей.

– Контра! – прохрипел Ежов и, махнув рукой, бросился дальше.

Звуки ударов теперь слышались из соседнего кабинета.

Капитан просто окаменел. Посидели мы с ним минут пять в безмолвии. А потом он вызвал конвоира. Ему было стыдно. Непрофессиональное чувство в этих стенах...

Глава 3

В углу, глядя в одну точку, раскачивался на нарах и что-то пел на своем языке узбек. Этот старый заслуженный большевик служил послом на Ближнем Востоке, прославился там загулами на казенные деньги и непротокольными заигрываниями с местными властями. Кроме того, он вел какую-то свою игру, отличную от линии партии. Похоже, его грехи, в отличие от многих тут сидевших, были вполне реальными. Он почти ничего не говорил. Только время от времени, глядя в одну точку, заводил заунывные восточные песни. А иногда грустно произносил:

– Хочу одно – еще разок увидеть мою степь. Ощутить ее запах.

– Хорош выть, внук Чингисхана. Увидишь свою степь, – смеялся генерал-летчик.

– Нет, генерал. Это последний причал корабля в моей бурной, как стремительная горная река, жизни, – по-восточному велеречиво отвечал узбек.

– К чему такой пессимизм, посол?

– К тому, что мне следовало сойти с этого корабля раньше. И теперь я бы смеялся, глядя на них издали. А сегодня смеются они. Последняя пристань, – узбек впадал в тоску и опять заводил свою песню.

Мы довольно душевно сошлись с генералом-летчиком. Тот был зол, но не терял уверенности. Знал я таких по Гражданской – эти люди сделаны из железа и всегда прикроют тебе спину. И за него, пожалуй, единственного здесь, если не считать профессора-филолога из МГУ, мне было сильно обидно.

Причину своих неурядиц генерал охарактеризовал емко:

– Длинный язык – это как плетка, которой сам себя и охаживаешь. Не сдержался пару раз. Да еще связи припомнили с Тухачевским, которого хорошо знал... Неправильно это, чекист. Каждый сам за себя отвечать должен. И за свое дело. А не за Тухачевского и пару лишних фраз.

– Длинный язык до Соловков доведет, – кивал я.

– Это да. Нечего было с политработниками о политике партии спорить. Гнилой народец, знаешь ли.

– Генерал, ты уже погорел разок, а все продолжаешь болтать лишнее. Еще добавить себе хочешь?

– А чего добавлять? К стенке не поставят. А как война начнется, выдернут с Колымы. Это сейчас пламенные говоруны на подъеме. А как воевать надо будет – они быстро сдуются. И тогда о нас вспомнят. О тех, кто дело делает.

– Какая война?

– Которая на пороге. Так что и погоны мне вернут, и должность дадут. И воевать пошлют.

– Еще выжить надо.

– А кого мне бояться? Как в песне: «Я Сибири не боюсь. Сибирь же тоже русская земля». К голоду я привычный. А шантрапа воровская... Так я по царским тюрьмам еще сидел как политический. Знаю этой публике цену, – он сжал огромный кулачище. – Ну, со мной все понятно. А как ты здесь оказался? Не за длинный же язык.

– Когда ныряешь слишком глубоко, рискуешь не вынырнуть.

– Или кессонная болезнь начнется... Хоть за дело пострадал?

– За правое дело, генерал, поверь, – усмехнулся я.

– Не люблю вашего брата. Но тебе хочу верить. Что-то в тебе есть такое, наше...

– Ну да, – кивнул я.

Опять нахлынули еще близкие воспоминания. О том, как машина моей жизни однажды не вписалась в крутой поворот.

Как-то странно я ощущал себя здесь, на перекрестке судьбы. Всю жизнь я снимал одни маски и надевал другие. Но теперь, на самом краю, возникла четкая уверенность, что сам я,

ядро моей личности, – это нечто гораздо большее, чем личины и маски, что-то изначальное и вечное. Однако сама жизнь, всегда испытывая меня, вынуждала играть разные роли.

Вот я мальчишка из казацкого села, убегающий на Первую мировую войну, дабы защитить Отечество от германца, вернуть православному миру Константинополь и проливы... А вот я уже командир особого эскадрона Красной Армии, бьюсь с Деникиным, врубаюсь шашкой в боевые порядки белых, уверенный в своей исторической правоте... И я же на больничной койке, выкарабкиваюсь из тифа, не веря, что выжил. А жена вот не выжила.

Служба в ГУБЧК, ОГПУ, НКВД. Сейчас, пребывая на другой стороне, жалею ли о чем-нибудь? Нисколько. Все правильно делал. Боролся за революцию, не щадя ни себя, ни других. Был жесток – это да. Но всегда был честен перед людьми и собой. И враги у меня были настоящие, а не липовые, как тот же генерал-летчик, прихлебывающий кипяток рядом со мной.

Так и дожил в органах до эпохи обострения классово-политической борьбы. 1937 год ознаменовался переходом от работы по конкретным антисоветским элементам к борьбе с контрреволюционными массами, то есть, не особо разбираясь, кто прав, кто виноват. Тройки НКВД, выносившие смертные приговоры. Партийные разнарядки на аресты и расстрелы. И я, начальник областного управления госбезопасности, он же заместитель начальника УНКВД, у которого одна мысль – как бы, выбрасывая на помойку битые чашки, не опрокинуть весь сервант. И вместе с реальными врагами народа не уничтожить всех управленцев, инженеров.

Начальник нашего областного управления НКВД Гаевский производил впечатление пустоватого, но в целом стандартного руководителя. В меру амбициозный, в меру интриган. А вот начальник особой следственной группы старший лейтенант Грац, его правая рука, был умен, хитер, являлся великим умельцем, способным из слов «добрый день» соорудить троцкистский заговор. Его бы таланты, да на пользу Родине.

Я долго считал их обычными карьеристами. Думал, что перегибали палку они лишь из служебного порыва и страха перед Москвой. Но постепенно стал осознавать, что осуществляется целенаправленная атака на управленческие и промышленные кадры области. Был обезглавлен флагман промышленности завод «Пролетарский дизель» – там одного за другим арестовывали людей, на которых держалось производство. А я шкурой ощущал, что наклеивается что-то гораздо более страшное.

И тут мне сказочно повезло. На «Пролетарском дизеле» я наткнулся на Константина Великопольского, моего старого знакомого еще со времен Гражданской войны. Тогда волею судьбы я спас его семью, за что он считал себя моим вечным должником. Потом наши пути разошлись на долгие годы. Увидел я его уже под личиной инженера Вепрева на «Пролетарском дизеле».

Мне удалось перетянуть его на свою сторону. Как я и предполагал, он был заброшен из Европы со шпионскими целями. Работал на антисоветскую организацию «Картель», которая являлась детищем крупнейшего эмигрантского сообщества НОБС (Народный общественный союз), раскинувшегося по всей Европе. И вся эта контрреволюционная нечисть готовила крупную террористическую акцию на «Пролетарском дизеле».

Теракт мы предотвратили, задержали простых исполнителей. Но до верхушки надежно законспирированного «Картеля» добраться так и не смогли.

Постепенно, анализируя информацию, я пришел к пугающему выводу: на «Картель» фактически работает руководство нашего областного НКВД. Деятельность той же особой следственной группы и самого Граца нельзя было расценить иначе как вредительство. В результате массовых арестов «Пролетарский дизель» уже сбоил. Был арестован легендарный директор завода, и на его место встал вражеский агент.

Между тем тучи сгущались и надо мной. Гаевский постепенно убеждал Москву в моей бесхребетности и попустительстве врагам народа, а по нынешним временам тут и до ареста

недалеко. Потом на меня было совершено покушение руками уголовников, и я, как всегда, выжил – есть у меня такой талант.

Я был свято уверен, что начальник особой группы Грац работает на противника, а начальник УНКВД Гаевский в силу слабоволия и непрофессионализма просто пешка в его руках. И решился на отчаянный шаг – передал в ЦК, в надежные, как мне казалось, руки всю информацию о происходящем. Вот только враг узнал об этом.

Ну а дальше кровавая развязка. Гаевский ночью вызвал меня к себе в кабинет, где уже был Грац. Там все и выяснилось. Именно начальник областного управления был агентом «Картеля», а Грац лишь игрушкой в его руках. Гаевский, троцкистская сволочь, решил покрасоваться перед тем, как хлопнуть меня прямо в кабинете. Уже и оправдание сочинил – выявил двурушничество своего заместителя, а при разговоре тот, белая кость, попытался открыть стрельбу, в итоге был убит. Только не учел боевых навыков казацкого пластуна и красного разведчика. В общем, угомонил я их обоих наглухо. Да еще составил устроившую всех версию: Гаевский вычислил врага народа Граца. Во время решающего разговора погибли оба – Грац от пули, Гаевский от сердечного приступа.

За время, что я позже исполнял обязанности начальника областного УНКВД, мне удалось исправить многое из того, чего наворотил Гаевский. Я освободил директора «Пролетарского дизеля». Попытаться арестовать его заместителя – агента «Картеля», но тот покончил жизнь самоубийством.

И главная задача у меня была – очертить контуры «Картеля». И у меня был сильный козырь в лице Великопольского, которого я не проводил ни по каким агентурным учетам, но который служил теперь уже нашему общему делу верой и правдой.

И я не успел совсем немного. Был однажды арестован и препровожден в Москву. Даже с того света Гаевский и Грац до меня дотянулись.

По идее я должен был унывать и ждать невеселой развязки. Вот только тоски и уныния почему-то не было. А была уверенность, что я выползу из этой каменной ловушки. Столько у меня недоделанных дел, а я здесь. Взаперти, орел молодой. Хотя нет, уже не молодой – далеко за сорок. Но крыльями махать еще могу...

Что происходит на воле, мы, огражденные от большого мира, представляли с трудом. Переписка с волей, газеты и журналы – все было запрещено. Но мы и в изоляции ощущали, как сгущался воздух и сжималась пружина исторических событий.

29 ноября 1938 года генерал, вернувшись с допроса, нашептал мне, что Ежов больше не нарком внутренних дел – его перевели заведовать водным транспортом. Это было событие! Ежов виделся всем эдаким Молохом – богом смерти. А тут какой-то транспорт. Это означало одно – началось его падение.

Вспомнились разговоры с моим высокопоставленным другом из Генпрокуратуры, что наверху недовольны разогнавшимся катком репрессий. И что это значит для меня? К добру или только хуже станет? Может быть всякое, это как попасть в ураган – в какую сторону понесет, неизвестно.

Ветер перемен дул все крепче, принося надежды, ожидания и вместе с тем липкую неуверенность и страх. Мне казалось, что моя развязка близится...

После обеда за узким зарешеченным окошком повалил декабрьский снег. Дверь распахнулась и прозвучало:

– Ремизов, на выход!

На этот раз конвоиры повели меня не в кабинет следователя, а вниз, в тесный дворик, где ждал «воронок». Защелкнулись наручники. Меня подтолкнули в спину:

– Вперед!

И я оказался в одиночестве, в жестяной, наглухо закрытой коробке автомобиля для перевозки арестованных.

Ну вот и финиш. И все мои надежды, уверенность – где теперь они? Под ними подвели черту. Как это бывает – сейчас объявят итоговое решение Тройки, где рассмотрение дел происходит без участия обвиняемого. И в ров.

На меня вдруг накатила волна дикого ужаса – как у животного, которого ведут на убой. Захотелось выть и молить о прощении. Потому что сама мысль, что для меня скоро не будет ни этого дня, ни снегопада, ввергала в первобытное отчаяние.

А потом, как ушат холодной воды, пришло ясное осознание – я же не животное, а человек. Не раз видел смерть, фактически долгие годы жил взаймы. Ну вот, встретились с костлявой. Иначе и быть не могло. А что здесь и сейчас – так судьба распорядилась.

Смерть отнимает у человека все. Единственное, что остается, – это гордость и честь. Поэтому нет силы, которая заставит меня ползать на брюхе и молить пощады.

Плохо, что все кончается именно так. И угнетает даже не столько бесславная гибель. Еще больше терзают душу незавершенные дела. Меня сейчас расхлопают, а «Картель» так и будет вредить моей стране, стремясь утопить ее в хаосе и крови. Враги торжествующе осклабятся при известии о том, что не в меру суетливого и пронизательного чекиста Ремизова его же коллеги поставили к стенке.

И еще кольнула малодушная мысль – ну и ладно. Невозможно тянуть на себе такой груз. Смерть – это не только проигрыш, но и освобождение...

Машина тормозила, разгонялась. Гудели клаксоны на дороге. Ревел двигатель, переходя в чихание. Так прошло минут сорок.

Опять остановка. Скорее всего последняя для меня.

Дверца со скрежетом открылась. И я ступил на землю.

Пригород. Кружащий снег, оседающий на черных лапах и стволах деревьев, похожих на торчащие вверх артиллерийские орудия. Отчаянное карканье ворон.

Я выпрямился, ловя последние мгновения.

Ну и где тот ров, куда меня сбросят?

– Вперед! – послышалась уже набившая оскомину команда.

Интересно, выстрелят сейчас или доведут до рва?

– Быстрее!

Эх, мне-то торопиться некуда.

Так я считал. И был не прав. Не стоило заставлять себя ждать...

Глава 4

Не было рва. Не было расстрельной команды. Была ухоженная липовая аллея, в конце которой возвышался уютный, дачного типа деревянный дом.

– Вперед!

Это вечное понукание конвоиров. Как будто я мог отправиться назад, не обращая внимания на двух дюжих сопровождающих, у одного из которых карабин.

Меня подвели к дому. Старший конвоя поднялся по ступенькам и вежливо постучал в дверь, потом осторожно отворил ее со словами:

– Прибыли!

В ответ донесся доброжелательный голос:

– Да заходите уже. Только ноги вытирайте, а то наследите.

Я автоматически вытер ноги о тряпку у входа, с трудом понимая, что происходит. Прошел через прихожую и очутился в просторной, обставленной скромной дачной мебелью комнате. Трещали дрова в печке. На столе стоял самовар. Здесь царили уют и умиротворение, которые я уже и не надеялся вновь ощутить.

– Товарищ комиссар госбезопасности! Арестованный Ремизов по вашему приказанию доставлен! – отрапортовал старший конвоя.

– Это хорошо, – кивнул заместитель наркома НКВД и мой старый знакомый Василий Алексеевич Плужников. – Возвращайтесь на базу.

– А арестованный?

– Эка вы невежливо именуete своего товарища по оружию. – Плужников поднялся со стула, взял лежащую на столе папку: – Это вам для канцелярии.

Старший кивнул, принимая папку. Ни один мускул не дрогнул на его лице. На своей беспокойной службе он насмотрелся на всякое и привык безоговорочно выполнять приказы, лихо козырять и вслух не рассуждать. А эмоции и вопросы – это не для НКВД, а для Малого театра и Большого кино. Там любят чувства и мелодрамы.

– Ну а теперь будем пить чай, – сказал мне Плужников. – Что-то ты исхудал. Не баловали тебя небось деликатесами.

– Да грех жаловаться, – хмыкнул я, присаживаясь и пододвигая к себе чашку с чаем. – Кормили сытно и денег не просили.

– Ермолай, ты стряхивай с себя тюремную пыль. Она сильно тянет человека к земле.

– Обвинения сняты? – поинтересовался я, отхлебывая ароматный чай.

– Не было особых обвинений. Тебе просто дали немножко отдохнуть.

– Отдохнуть?! – не выдержал я, перейдя на повышенный тон.

– А что? Тишина, покой. Самое место о себе подумать и о вечности. Знаешь, многие достижения мировой философии сотворены именно в узилищах. Томас Мор, Чернышевский...

– Маркиз де Сад, – блеснул я начитанностью. – В наших узилищах многовато народу рядом. Мешают.

– Мест не хватает, это правда. Ежов постарался.

До меня наконец в полной мере дошло, о чем говорит замнаркома. И я устало произнес:

– Получается, это вашими стараниями я там побывал.

– И мне это дорого стоило.

– Зачем?!

– Ты что, совсем там растерял оперативную смекалку? Если бы тебя не взял я, то взяли бы другие. И по ускоренной процедуре давно бы расхлопали. А так удалось водить за нос и Ежова, и его шавок до той поры, пока их самих не пнули.

- Экзотичный способ спасения утопающих – кинуть спасательный круг из бетона.
- А по-другому никак... Ладно, дело прошлое.
- Я только кивнул. Действительно, чего уж теперь.
- Конечно, о многом мне тебя хотелось расспросить, Ермолай. Например, о том, как Грац и Гаевский с жизнью расстались...
- Так дело закрыто.
- На этом и остановимся. Хотя видится мне, что все было чуть-чуть по-другому.
- Что было, то прошло.
- Читал я твой крик души в ЦК. Особенно впечатлил раздел о роли НКВД во вредительской деятельности. Глубокая оценка.
- Ну а что? И сейчас от своих выводов я не отказываюсь. Где лучше всего быть вредителем? На шахте, на заводе или в парткоме? Нет. В НКВД. Один чекист-перерожденец может сделать столько, что дивизии диверсантов не сотворить. Убрать руками НКВД перспективных руководителей. В возникшие кадровые прорехи протолкнуть на ключевые места в промышленности и управлении своих людей.
- Чтобы пакостить еще больше?
- Пакостить всю жизнь – это нарушение психики. Нормальные люди ставят задачи и решают их. Враги копят ресурсы для определенного момента. Для мощной атаки, которая поставит под вопрос само наше существование.
- Плужников посмотрел на меня с интересом. Потом сказал:
- Есть резон в твоих словах. В том числе и о роли перерожденцев из нашей среды. Поработали мы немного по ним. И такое полезло... Кое-что разгребли, а с некоторыми не знаем, что и делать. Далеко зашло.
- Спасибо Ежову.
- Забудь о нем. Сейчас у нас новый руководитель. Товарищ Берия.
- И как, лучше старого? – Я припомнил, что видел его один раз на совещании в НКВД, когда он был назначен заместителем наркома.
- Честно? Человек не простой. Далеко не добренький. Может, где-то и суровее Ежова будет. Но одно ясно – он не будет рассылать планы по казням врагов народа. И будет работать на наше общее дело. На защиту страны.
- Это то, что я давно мечтал услышать.
- Теперь о делах наших грешных. С тебя сняты обвинения, возвращено звание. С сегодняшнего дня ты в распоряжении кадров НКВД СССР.
- Спасибо, – только и нашелся я что сказать.
- В родной город тебе возвращаться не стоит. Там сложно все. И тебя там не ждут.
- Готов в любую точку земного шара, – усмехнулся я.
- В любую не надо... Сейчас резко активизировались зарубежные разведки и подполье на нашей территории. С разведками мы работать умеем – наши ребята все их посольства и разведслужбы наизнанку вывернули, во все щели залезли, работают на загляденье. А вот подполье... Ермолай, ты один из немногих, кто знает, что такое настоящая антисоветская организация. Не троцкистские клубы по интересам, которые мы ликвидировали тысячами. Не сборища случайных дураков, которыми так любил отчитываться Ежов. А настоящее жестокое подполье.
- Видал таких. И выводил на чистую воду.
- Именно этим организациям нужно свернуть голову в самые сжатые сроки. Времени у нас не остается. Впереди серьезные испытания. И мы не можем позволить ударить нашей стране в спину.
- Сделаю все, что в человеческих силах. И даже больше.
- Вот и отлично, что у нас полное взаимопонимание, товарищ начальник специального отделения НКВД СССР...

Глава 5

Бабах – кусок кирпичной стены рухнул.

Металлический шар долбил по старому дому, разнося его в пыль. Здесь, согласно Генеральному плану развития Москвы, стрелой прочертит город новый проспект. А пока что царили пыль, рев техники и матюги прорабов.

А вон интересующий нас шестиэтажный доходный дом дореволюционной постройки с магазином «Бакалея» внизу. Его сносить не собираются, он удачно впишется в новый проспект. Там живут и здравствуют простые москвичи. И там функционирует явочная квартира антисоветского подполья.

Трах-тарарах – половина фасада осыпалась.

– Аж мигрень от этого грохота, – потер виски мой бравый заместитель Воронов – жилистый, невысокий, тридцати пяти годков, с красным обветренным лицом. Он был одет в телогрейку, ватные штаны и весьма похож на одного из рабочих-строителей, оккупировавших все окрестности.

Впрочем, и у меня вид простенький – тулупчик, ушанка. Мы должны органично вписываться в окружающую среду.

Обосновались мы в дощатом строительном вагончике, где потрескивала печка-буржуйка. Предварительно выставили оттуда рабочих, поставив прораба перед фактом. Тот, конечно, спорить не стал. «Интересы государственной безопасности» – это звучит посильнее, чем «Сезам откройся».

Пост наблюдения у нас не слишком удачный для контроля и руководства операцией. Но есть такая философия оперативной работы, один из законов которой гласит: не мы выбираем места операций, а они выбирают нас.

Бабах – все, дом рухнул окончательно. И вскоре застучали ломы, кувалды, довершая разгром.

В этом сносе домов было что-то неотвратимое и печальное. Кирпичное сосредоточение жизни нескольких поколений обращалось в прах. Развеивалось вместе с кирпичной пылью пространство прошлого, оставаясь отныне только в старых картинах и фотографиях. А какие следы и память останутся от нас, от всех наших страстей, суеты, накала борьбы?

«Пусть вечным памятником нам будет построенный в боях социализм», – писал Маяковский.

Тоже вариант. Но все равно как-то грустно от осознания того, что мы лишь волны на глади времени – прокатились, качнули лодку Бытия и ушли...

Эх, совсем минорные мысли меня в последнее время одолевают. Правильно Плужников говорил – пребывание в застенках настраивает на философский лад. А тут работать надо. А работа моя сейчас – глядеть в оба.

Воронов начал гундосо и едва слышно напевать под нос:

– Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон...

Есть у него дурная привычка – гундосить песни, особенно когда нервничает. Знал он их бесчисленное количество, напевал удивительно коряво. Впрочем, это его главная дурная привычка. В целом он мужик нормальный, характер где не надо не показывает.

Назначили его моим замом без моего ведома – до этого он в Секретно-политическом отделе заведовал отделением по монархистам и прочим осколкам былых времен. Понятно, что он будет присматривать за мной. Я не обижался. Работа такая. Доверяй – но только чуть-чуть, а проверяй основательно. На том стоим.

Отношения с ним сложились деловые и ровные. Они могли бы перейти в дружбу, но только не в нашей обстановке взаимного контроля.

Он был крепким агентуристом. По его информации мы неделю назад прихлопнули ищущую выхода на Запад антисоветскую группу из трех человек, свивших гнездо в Наркомате торговли. И вот теперь следующая серьезная реализация по его материалам.

Воронов закончил с песней о Красной армии и завел еще более гнусаво, в тональности лютеранской проповеди:

– И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет...

Из окошка вагончика был виден подъезд дома номер сорок семь. Тот самый, который нам нужен. Далековато, правда. Но у меня есть хитрый оптический прибор, который называется полевой бинокль. Немецкий, цейссовский.

– Так, наши в городе, – хмыкнул я, глядя на фигуру в габардиновом пальто с меховым воротником и в шапке-пирожок, бодрой походкойдвигающуюся к подъезду.

– Барон, – кивнул Воронов. – Минута в минуту появился.

– Немецкая пунктуальность.

Гражданин в габардиновом пальто зашел в подъезд. Ну что, наша фигура, то есть секретный сотрудник Барон, в этой игре заняла свою клетку. Ждем ответную любезность от противоположной стороны.

Вскоре здесь должен появиться эмиссар из Европы. Как положено – с добрыми пожеланиями, инструкциями и деньгами. Это уже вторая встреча Барона с этим человеком. Первой предшествовала головоломная и сложная комбинация, которая неожиданно увенчалась успехом. Сложные комбинации часто дают сбой – их вдрызг разбивают всякие случайности и несогласованности, без которых не обходится ни одно дело. Но у нас пока все шло гладко.

Ровно неделю назад Барон встречался уже на этой явке с эмиссаром – высоким, худощавым, угрюмым, с военной выправкой мужчиной. В этом заморском гусе чувствовалась офицерская, еще царской закалки, косточка.

Первая встреча была ни о чем. Приглядывались друг к другу. Наш агент выступал от имени контрреволюционной боевой ячейки, нуждавшейся в средствах и направлении движения. Эмиссар обещал все это дать. В целом контакт прошел в атмосфере взаимопонимания и конструктива. И вот сегодня вторая встреча.

По ряду причин инициатор операции Воронов настоял на том, чтобы игру с эмиссаром не затевать. В прошлый раз мы отпустили фигуранта по соображениям тактики. Сегодня возьмем – живым и желательно здоровым. А дальше посмотрим на поведение. Тут два варианта. Или он будет работать на нас. Или суд – скорый и беспощадный. Чаще в таких ситуациях люди выбирают сотрудничество. Однако встречаются и крепкие орешки, для которых собственная жизнь менее важна, чем преданность делу.

– Минут через десять должен появиться эмиссар, – сказал Воронов и закашлялся – неделю уже ходил с бронхитом на работу.

Подобные встречи – это самая нервная сторона оперативной работы. Все время мы посылаем наших людей на эти встречи или сами кого-то встречаем. И постоянно долбит одна мысль – придет фигурант или не придет. Потому что «придет» – это удача, перспектива. А «не придет» – провал.

Колыхнулась занавеска в окне явочной квартиры. Значит, Барон наверху, подает сигнал, что все в порядке. Он тоже весь на нервах. Тоже ждет.

Предстоит силовое задержание. Сколько я их провел в своей жизни, и все равно нервозность присутствует. Может случиться что угодно. В успехе я уверен. Ребят наших вокруг много, вражина не уйдет. Но его надо взять живым. И чтобы он никого не подстрелил. А тут уже как получится. Никто не обещал нам безопасности и легкости бытия, когда мы подписывались на чекистскую работу...

Земля качнулась под ногами. По ушам ударил грохот.

Первая шальная мысль была – ломают очередной дом.

Но сознание моментом схватило, как строительным раствором, происходящее вокруг.

Звук был куда громче. А из дома, как раз над вывеской «Бакалея», выплеснулось пламя.

Точнее, не просто из дома, а из окна явочной квартиры!

– Египетская сила! – ошарашенно воскликнул Воронов.

Только что, морозным январским утром 1939 года, на наших глазах взлетела на воздух явочная квартира антисоветского подполья.

Все, теперь у нас нет ни вражеского содержателя явки. Ни нашего агента Барона.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – подытожил я результат нашей операции...

Глава 6

Окна моего кабинета выходили во внутренний двор здания НКВД на Лубянке. Там кого-то выгружали из машины. Три часа ночи, но система работает без усталы и перерывов.

Воронов курил не переставая – нервно и угрюмо. А я пил чай из стакана, вставленного в массивный подстаканник – это серебряная вещица с символикой НКВД из кабинета со старого места моей службы.

– Ладно, не куксись, – сказал я. – Поводов для оптимизма мало. Но и рвать с горя на себе одежды тоже резона нет. Такая у нас работа – всяко бывает.

– Людей теряем, – нахмурился Воронов.

– А как ты хотел!

Я сделал большой глоток уже остывающего чая. И мысли мои поплыли куда-то в сторону. В совсем недавнее прошлое.

Мне подумалось, что после освобождения с точки зрения географии в моем положении мало что изменилось. Основное время все так же я проводил на Лубянке. Вопрос в фокусе зрения. Взгляд из камеры или из своего кабинета – это нечто сильно разное.

Как же стремительно, буквально за минуты, изменилось все. Визит к Плужникову. Судьбоносный разговор с ним. Свобода. Правда, свобода мнимая, поскольку я опять находился в плену НКВД, но уже не как объект воздействия, а как его верный винтик.

Я получил новое обмундирование, удостоверение, оружие и этот кабинет. А еще однокомнатную квартиру в переулке рядом с улицей Кирова – до работы пешком десять минут. Заодно мне досталось отделение с почти не заполненной штатной численностью личного состава и заместитель Никита Воронов.

На обустройство быта и личных дел мне выделили пять дней. И я отправился в родной город, откуда меня увез «воронок» несколько месяцев назад.

Понятное дело, что в квартире моей теперь жили другие люди, которых я не стал тревожить. Что там осталось? Мебель, если не выбросили? Старую одежду выбросили наверняка. Жалко было фотографий и документов.

Заехал я в областное Управление НКВД. Там многое изменилось. Личный состав сменился больше чем наполовину. Не осталось никого из печально известной следственной группы врага народа Граца. Парочку его холуев посадили месяц назад. Некоторых выгнали или перевели на другие места службы.

А вот мой «эскадрон» из преданных мне и натасканных бойцов уцелел. И ребята встретили меня даже не с радостью, а с ликованием.

– Мы знали, что вы вернетесь! – хлопал меня по плечам старший группы, переходя все рамки субординации.

К моей радости, выяснилось, что после моего ареста они, бойцы «эскадрона», забрали мои личные вещи и документы из кабинета и квартиры. И я чуть не прослезился, перебирая старые фотографии. Вот моя первая жена Полина в форме сестры милосердия, стоит, положив руку мне на плечо... А это моя последняя любимая женщина Антонина... А тут дочурка Катерина – студентка Саратовского медицинского института.

Жалко, что не удалось сохранить мой старый потертый «наган», прошедший со мной с Гражданской и не раз спасавший жизнь. Он стал родным. И вот затерялся где-то на складах УНКВД – теперь уже и не найдешь.

В поезд я загружался с большим фибровым чемоданом, куда с трудом влезли отвоеванные мной вещи. Путь мой лежал в Саратов.

После ареста я сумел передать моему бывшему заместителю и лучшему другу Фадею Селиверстову весточку, чтобы он предупредил дочь – ни в коем случае не приезжать в Москву,

не обивать пороги НКВД, не лезть с письмами и жалобами, затаиться и сидеть тихой мышкой в своем институте. Иначе сделает только хуже. Она послушалась. Она всегда слушалась, когда я требовал. Потому что знала – требую я немного и только то, что жизненно важно.

Слава богу, никто ее из института не выгонял. То, что отец арестован, там было мало кому известно. Да и не осужден же. Вообще, с детьми врагов народа часто не церемонились. Доходило до совершенной дичи – особо ретивые чиновники от образования заставляли детей прилюдно отказываться от репрессированных родителей. Тупых баранов с инициативой было много во все времена. Не по-нашему это. Не по-советски. Да и товарищ Сталин прямо сказал: «Дети за родителей не отвечают».

– Я... Я думала, никогда тебя не увижу, – глаза у дочки сияли, когда она смотрела на меня, дождавшегося ее на ступенях мединститута после занятий. – Как же мне плохо было! Хоть в омут головой.

– Ты оставь такие разговоры. В омут ей головой... У тебя своя жизнь, которую ты только начала и должна прожить правильно. И полностью. А я пожил достойно. И мои зигзаги – это мое. Запомни это, дочура.

– Твое-мое! Что ты говоришь! – она всхлипнула.

Вместе нам удалось провести только день. Меня труба звала на бранные дела.

Потом Катюша прикатила ко мне в Москву на Новый год. Навела идеальный порядок в моей маленькой квартирке.

В конце года наши кадровики распространяли билеты на елку в московском Доме союзов. Новогодние елочные празднества долго считались пережитком прошлого и чуждой пролетариату культурой. Но в 1935 году елки вернулись, уже с красной звездой на верхушке. А заодно появился Дед Мороз с внучкой Снегурочкой.

И вот теперь кружила город новогодняя пьянящая суета с елочными базарами, стеклянными и ватными игрушками. На площадях Маяковского и Свердлова гордо возвышались гигантские, украшенные светящимися гирляндами и припорошенные снегом пушистые красавицы елки.

Когда я попросил два билета на всесоюзную елку, кадровичка посмотрела на меня подозрительно:

– Вам зачем? Это тем, у кого дети.

– У меня есть дочь, – с какой-то прорвавшейся гордостью объявил я.

Пошущукались за спиной, но билеты все же дали. Их я продемонстрировал в тот же вечер дочке:

– А пошли-ка на елку в Дом союзов!

– Папа, я же уже взрослая!

– Да? А я вот еще не очень.

В просторном Колонном зале разместились огромная, украшенная игрушками елка. Вокруг нее водили хоровод профессиональные танцовщицы, вещал громовым голосом Дед Мороз, призывая ударно учиться и работать в следующем году. Весело и задорно чирикала Снегурочка. Скакали детишки в костюмах снежинок, лисичек и зайчиков.

Здесь царил волшебное веселье, которое даже из взрослых делает детей. И я нисколько не ощущал себя старым дураком, впавшем в детство. В мою жизнь на миг вернулось ощущение светлого счастья, когда ты наполнен уверенностью, что будущее принесет только хорошее. Так же бывало в праздники Рождества из моего далекого детства.

Дома дочка нарядила небольшую елку, прикупив несколько простеньких игрушек. В двенадцать мы выпили «Советского шампанского» – оно появилось на прилавках в 1937 году как наш ответ французам. Выслушали по радио поздравления руководителей СССР с новым 1939 годом.

На следующий день Катя уехала. А я отправился на работу. Потому что работы была громада неподъемная. Мне нужно было в кратчайшие сроки создать дееспособное подразделение и начать давать стране угля. Время не ждет. Сейчас год за десять.

Как же мне не хватало Фадея с его организаторскими и оперативными талантами. Перво-наперво я провентилировал ситуацию насчет него.

Находясь во внутренней тюрьме на Лубянке, я боялся, что он на свободе наделает глупостей, пытаясь вызволить меня. Он и наделал – принялся писать письма Ежову и в ЦК. Ему сильно повезло – его только выперли с работы и выслали за Урал командовать парторганизацией управления леспромхозов. По выходе на волю я тут же отослал ему телеграмму, что жив-здоров, мечтаю встретиться и сделаю для этого все. Мне просто необходимо было вернуть его на службу. О чем я хлопотал, но пока безуспешно.

И еще одна большая тема, не дававшая мне покоя ни днем ни ночью – моя единственная и неповторимая Антонина. Когда подо мной задымилась бочка с порохом, я почти насильно отправил ее в Ленинград к отцу, тоже приказав не рыпаться и меня не искать. Она жива-здорова. Обо мне ничего не знает. А я терзаюсь мыслями – стоит ли начинать все сначала.

Что, охладел к ней, понял, что мы разные люди? Все с точностью до наоборот. Она моя вторая, данная свыше половинка. И настолько мне дорога, что я готов отказаться от нее, лишь бы ей ничего не угрожало. Она однажды чуть не лишилась всего, связавшись со мной. И сегодня я не был уверен, что мое положение прочное. Боялся втянуть ее в очередной кошмар. В наше сумасшедшее время нет ничего надежного и крепкого. Но и перспектива жить без нее наполняла меня болью.

В общем, с ней у меня был полный набор сомнений и неуверенности. Но эмоции я загонял поглубже. Потому что мне нужны душевные силы. Мне нужно работать.

Антисоветским подпольем и непримиримой оппозицией в НКВД занимался Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности. Он охватывал, кажется, все сферы жизни. Были отделения по троцкистам, монархистам, студентам, националистам, деятелям искусства. Присматривали и за органами власти – наркоматами, милицией, судами, прокуратурой.

Мое отделение по агентурному проникновению в антисоветские организации с целью их изобличения и ликвидации формально входило в СПО, но на деле подчинялось только заместителю наркома Плужникову. Фактически мы были эдакие гвардейцы кардинала из известного романа Дюма-отца. Специалисты по самым серьезным проблемам. Те, кто бьет в сердцевину, а не разменивается по мелочам. И нам дали полную свободу действий.

Всегда, когда начинаешь новое дело, кажется, что не получится ничего. Бескрайняя страна, сто семьдесят миллионов граждан. И ты, пусть и с верными помощниками – это как капля в океане. А результат нужен. От него зависит многое, в том числе существование этой самой страны.

Главный инструмент чекиста – это не револьвер и ордер на обыск. Это информация. И источники информации.

По этому поводу и состоялся наш очередной разговор с заместителем наркома на той же служебной даче в ближнем Подмоскowie. Притом такой разговор, что у меня сначала мороз по коже пополз.

– Ермолай, я хорошо изучил твои похождения и успехи в старой должности, – улыбнулся как-то угрожающе Плужников. – Успехи, надо сказать, впечатляют.

– Спасибо.

– Особенно впечатляет, как ты умело скрыл своего агента.

– Что вы имеете в виду? – я похолодел. Неужели он узнал о Великопольском?

– «Картель». Тебе его хорошо кто-то подсвечивал изнутри. И этот источник не оформлен. Прав я?

– Были причины, – буркнул я.

– Предательство собственного руководства. Причина уважительная...

– И что теперь? – с напряжением поинтересовался я.

Плужников запросто может приказать мне притащить Великопольского на встречу или просто арестовать его. Может меня запереть снова в камеру за несанкционированные контакты с врагом. Много чего может.

– Ты знаешь, кто я? – с усмешкой поинтересовался Плужников.

– Комиссар госбезопасности.

– Вот именно. Замнаркома. Не мое это дело лезть в детали. Мое дело – стучать кулаком по столу и требовать результат. Так вот, Ермолай, мне нужен результат. А как ты его достигнешь – это дело десятое.

– Понял.

– Мне нужен надежный щит, который оградит нас от тщательно законспирированных, на года и десятилетия, ячеек антисоветского подполья. Нужно порушить их контакты с зарубежьем. Понятно, что все подполье нам не искоренить. Но жизненно необходимо выбить его самые острые клыки. Чтобы враги не были способны ни на что серьезное. Чтобы их можно было не замечать в вопросах войны и мира...

Его правда. Нам по горло нужен результат. На этого эмиссара из Европы мы возлагали большие надежды. Что и говорить, хотелось мне гордо принести Плужникову вражеский скальп, в переносном смысле, конечно, на блюдечке с голубой каемочкой. Но теперь вражеский содержатель явочного помещения и наш агент Барон мертвы. Эмиссар скрылся. На дворе ночь. И мы с Вороновым подсчитываем потери и прикидываем, что делать дальше.

Я пробежал глазами выписки из милицейских протоколов и предварительные заключения специалиста по поводу сегодняшнего взрыва.

– Эксперты говорят, рвануло взрывное устройство. Возможно, оно было в сумке, ошметки которой нашли, – пояснил Воронов.

– Это понятно, – я отодвинул от себя бумаги, отхлебнул еще чая. – Каким-то образом эмиссар расшифровал нашего агента и устроил прощальный хлопок? И зачем ему это было делать? Не легче ли просто смыться?

– Красивый жест, – пожал плечами Воронов. – Казнь пособника большевиков. И демонстративная ликвидация засвеченного соратника – содержателя явочного помещения, который много чего мог рассказать. А также напоминание НКВД, что не все в наших руках... Мне интересно, как он привел в действие взрывное устройство. Не радиоуправляемая же мина у него была.

– Скорее всего, оставил сумку на явке, велел передать Барону. Мол, пусть откроет и убедится, что все на месте. При вскрытии и сработало взрывное устройство.

– А если бы содержатель явочного помещения залез из любопытства в сумку пораньше?

– Значит, эмиссар нашел достаточно веские слова, чтобы отбить охоту лазить по чужим сумкам. Так что было два варианта. Или наш человек осматривает сумку на месте и взлетает на воздух вместе с содержателем явочного помещения. Или тащит к друзьям-чекистам, и тогда взлетают на воздух еще и оперативники – тоже неплохо.

– Интересный у нас оппонент, – скривился Воронов.

– Интересный. Надо будет с ним познакомиться поближе.

Мы помолчали.

– Теперь по поводу монархистов, – Воронов прервал молчание. – В свете случившегося... Пора их брать.

В производстве Воронова было агентурное дело «Корона». В его рамках разрабатывалась монархическая антисоветская организация «Святая Держава», достаточно многочисленная и тщательно законспирированная, действующая уже добрый десяток лет. Именно в результате

сложной игры с ними удалось вытащить на контакт этого злосчастного эмиссара. Ну а теперь наступала пора что-то делать и с самой организацией.

– Куда ты торопишься? – спросил я. – Давай еще немного присмотримся к ним.

– Уже второй год смотрим. Пора брать. И заглаживать наш провал перед руководством.

– Меньше о руководстве думай, больше о деле. По сообщениям твоего агента у монархистов творятся интересные дела. Надо еще понаблюдать...

Глава 7

После бессонной ночи глаза слипались. Я открыл окно. Ворвавшийся в кабинет холод немножко взбодрил меня.

Я поежился. Закрыл окно. Вернувшись за рабочий стол, погрузился в свежую прессу.

По старой привычке я начинал рабочий день со свежих газет. Дело даже не в информации. Просто таким образом я проникался ритмами времени, настраивался на рабочий лад.

Что у нас тут? Заметка великого советского режиссера Сергея Эйзенштейна: «1938-й ознаменовался большим творческим подъемом. В начале года было уничтожено вредительское гнездо в руководстве кинематографа. Выпущены антифашистские фильмы, направленные против международных убийц и погромщиков. Вышли такие фильмы, как «Ленин в Октябре», «Первая конная»...

«На фронтах Испании ожесточенные бои...» «На южном берегу реки Янцзы китайские войска внезапной атакой выбили японцев из ряда пунктов между Дэанем и Юнсю. Японцы отступили к северу и понесли большие потери...»

Да, мир бурлит. На Дальнем Востоке война – японцы перемалывают Китай и время от времени лезут к нам, чтобы получить по зубам. Озверелая немецкая военщина вместе с европейской падальщицей Польшей только что оторвали самые лакомые куски у Чехословакии, военным путем разорвав на части суверенное государство. Любопытно, что в Мюнхенском договоре, закрепившем этот акт международного пиратства, участвовали Франция, Италия, но самой жертвы – Чехословакии не было. Кого интересует мнение ягненка на заклании?

Дело шло к большой войне. Конфигурация сил в ней пока не ясна. Зато понятно, что рано или поздно разжигатели войны навалятся на нас. И мы должны быть готовы. Формирование современной армии, рост оборонной промышленности и уничтожение «пятой колонны» – это те условия, без которых Советскому Союзу не выжить.

Я отложил утренние газеты и посмотрел на напольные древние часы с боем, стоящие в углу. Половина десятого. Пора на доклад к Плужникову. Он уже в курсе нашего провала. Мой рапорт у него на столе. Но наверняка пожелает высказать несколько нелицеприятных слов в наш адрес. И будет прав.

Я подождал в приемной, пока адъютант доложит обо мне, и прошел в просторный кабинет.

Плужников, как обычно, был погружен в бумаги. Кивнув мне приветственно, указал на стул. Подчеркнул что-то в документе, захлопнул папку.

– Обмишурились, – констатировал он бесстрастно, и не было заметно его намерений метать громы и молнии.

– По полной программе, – вынужден был согласиться я.

– И Барона потеряли. Жалко. Преданный нам человек был.

– Как тяжело терять своих, я еще с Первой мировой знаю.

– Знаешь, война – это не только смерть. В бою учишься ценить каждый миг жизни. Друзей. Родных. Правильно?

– Правильно. – Разговор уходил куда-то в сторону. Похоже, у комиссара госбезопасности мысли витали далеко. Хотя вряд ли – не тот человек. К чему-то он ведет.

– А ты? – резанул он меня острым взором. – Ремизов, сам ты жить умеешь? Или только воевать?

– Умею выживать. Чтобы воевать.

– Вот именно... Воюешь. И боишься жить. Поэтому так и не послал весточку своей прекрасной даме?

– Вы о ком? – мне стало как-то неудобно.

– Об Антонине Лагутиной... Чего нахохлился? Присмотрелись мы к ней. Хорошая девушка. Правильная.

Я похолодел. И как только он узнал? Хотя тут ничего удивительного. У него работа такая. Но как он почувствовал мое состояние и мысли?

– Что, после внутренней тюрьмы боишься ответственности за близких? – поинтересовался Плужников.

– Боюсь.

– А зря... Значит, слушай мое авторитетное начальственное заключение. В механико-машиностроительном институте имени Баумана вакансия. Нужен хороший математик-преподаватель. И нашим авиаконструкторам математиков не хватает, – Плужников протянул бумажку с номером телефона ректора. – Все обговорено. Так что используй шанс.

Я кивнул. И все мои сомнения как-то исчезли:

– Использую!

То ли мне действительно помогают. То ли мои руководители таким образом приобрели в лице Антонины хорошего заложника для того, чтобы держать меня под контролем. Но это неважно. Я решил.

Ну что, наглеть так наглеть. И я осведомился ненароком:

– А что насчет Фадея Селиверстова?

– Твой бессменный заместитель?

– Он.

Я к Плужникову уже подходил с этим вопросом. И не мог добиться конкретики. Вот и сейчас он поморщился:

– С ним сложнее... Понимаешь, сейчас не время. Пусть подождет.

– А дело тоже подождет? Он великолепный специалист, нужен нам как воздух. Да и пострадал непонятно за что.

– Какой же ты упрямец, – больше с одобрением, чем с раздражением произнес Плужников. – Ладно, готовь бумаги.

Заместитель наркома откинулся в кресле. Взглянул на меня пристально. Все, пряники закончились. Сейчас последует кнут.

– А теперь вернемся к нашим делам... Провал с Бароном – это позорно... Но этот эмиссар уходит от нас не в первый раз.

– Мне что-то неизвестно?

– Человек, на которого вы хотели выйти... Думаю, это Ревизор.

– Кто такой?

– Зловещая личность. Как Летучий Голландец возникает, шерстя подполье и оставляя после себя бездыханные тела. Уничтожил нашего сотрудника в Ленинграде. Вот, – Плужников пододвинул ко мне папку с докладной запиской.

Я пробежал ее глазами. История там излагалась один к одному похожая на нашу. В ноябре 1937 года состоялась встреча секретного сотрудника СПО Тевтона с эмиссаром из-за границы, обещавшем деньги и поддержку антисоветской деятельности. На повторную встречу фигурант не явился. А потом ликвидировал посредника и самого Тевтона. После чего дерзкий фигурант скрылся от контролировавшей секретного сотрудника наружки – ушел прямо по крышам. Как и у нас – грубо зачищены все следы. Потом еще пару раз он возникал в поле зрения органов и тоже срывался с крючка.

– Сделай себе зарубочку. Ревизор – это одна из самых приоритетных целей, – потребовал Плужников.

– Из-под земли достану.

– Лучше живым. А если нет – так раздавить этого кровососа! – с чувством произнес заместитель наркома...

Глава 8

Антонину я встречал на Тушинском аэродроме.

Перед этим позвонил Саше Ломову, сотруднику Ленинградского УНКВД и моему хорошему товарищу, попросил помочь с ее отъездом. Думал, он дотащит чемодан, усадит на Московском вокзале на фирменный поезд «Красная стрела». Но Саша решил действовать с размахом и шиком. Отвез Тоню в аэропорт «Пулково» и погрузил в рейсовый самолет – мол, знай наших!

Авиасообщение с Ленинградом запустили еще в 1932 году, но только в 1937-м перелеты стали относительно регулярными. «Аэрофлот» возил почту, а заодно прихватывал пассажиров. В комфортабельный отапливаемый салон самолета «Р-5» с мягкими креслами их помещалось восемь человек.

В народе это считалось баловством и непостижимой роскошью. Летали или большие оригиналы с деньгами, или серьезные начальники. Ну и Антонина по случаю.

Сия процедура меня нервировала. Да, лететь от Ленинграда всего три с половиной часа. Но техника не могла похвастаться надежностью. Неполадки у «Р-5» случались не так редко. И тогда приземлялись рейсовые самолеты на картофельные поля, а летчики с пассажирами топали пешком в направлении ближайших сельсоветов.

Я заблаговременно отправился на Центральный аэродром имени Фрунзе, раньше носивший имя Троцкого. Недавно там воздвигли просторный аэровокзал – такое длинное, обшитое мрамором, замысловатое двухэтажное здание в стиле конструктивизма. Оборудовали бетонную полосу, освещаемую по ночам прожекторами. Обустроили охранный периметр. И открыли международные рейсы. А поблизости ввели в строй станцию метро «Аэропорт».

Метро мне сегодня не нужно. За мной теперь закреплена служебная машина «М-1». Она была редкого белого цвета и бросалась в глаза, что не шибко хорошо для оперативной службы. Да и вообще непонятно, как она, такая красивая, оказалась в нашем гараже, где живут сплошь «черные воронки». Но для нынешнего случая подходила как нельзя лучше.

Я договорился с комендантом о пропуске на летное поле – так уж повелось, что нам не отказывают. И теперь нервничал, напряженно всматриваясь в небо и ожидая появления там черной точки.

Слава богу, погода солнечная, ясная и безветренная – как раз для полета. Правда, холод собачий – минус двадцать. А в машине нет обогрева. Но это детали.

Дюралевый серебристый моноплан «Р-5» опоздал на полчаса. Приземлился он удачно и даже красиво. Подрулил со страшным ревом своего единственного мотора к стоянке.

Открылась дверца. Второй пилот в форме «Аэрофлота» спустил лесенку и сбежал по ней на бетон. За ним неуклюже, в шубах и пальто, начали выгружаться персоны начальственного вида. Они подозрительно косились в мою сторону – мол, что это за фрукт на машине прикатил прям на летное поле. И, прихватив чемоданы, тащились в сторону здания аэровокзала.

Нервное напряжение у меня было нешуточное – это похлеще, чем в засаде ждать. Бодрило и пугало предчувствие важного и судьбоносного жизненного поворота. Даже дыхание сперло. А Антонины все не было.

Наконец появился командир воздушного корабля. В руке он держал объемистый потертый кожаный чемодан. Поставил его на землю. Обернулся. Подал руку даме. И та королевой сошла по лесенке на бетон.

Эх, какая же она родная, изящная и красивая в приталенном пальто с меховым воротником и пушистой лисьей шапке.

– Спасибо, я сама донесу, – с холодной улыбкой сказала она летчику, потянувшись за чемоданом.

– Не стоит. Я донесу, – сказал я, приближаясь.

Тут она обратила на меня внимание. Подняла глаза. А потом бросилась ко мне, вцепившись, как в спасательный круг.

– Ремизов! Ты, змей такой! Это ты!

– Я, Тонечка. Я, родная!

– Никогда не прощу тебе, что столько ждала!

Постояли немного, не в силах оторваться друг от друга. И даже не зная, что произносятся в таких случаях. Буря чувств часто не втискивается в узкие границы слов, и это был как раз такой случай.

Подкатил грузовичок, из самолета стали выгружать почту в опечатанных холщовых мешках.

А мы уселись на заднее сиденье машины, и я приказал водителю:

– Костя, давай домой.

– Есть! – водитель с интересом кинул взгляд на Антонину в зеркало заднего вида.

Она улыбнулась и прижалась ко мне.

Машина вырулила на Ленинградский проспект, развернулась около Путевого дворца и влилась в не слишком плотный поток движения. Обогнала похожий на дом на колесах двухэтажный троллейбус – их запустили курсировать по Москве в конце прошлого года.

– Прямо американская мелодрама – романтический герой встречает Золушку на белом лимузине, – засмеялась Антонина.

– Где ты видела американские мелодрамы?

– Да где их увидишь? Больше слышана.

Вот и дом. Я велел водителю ждать.

На пороге квартиры Антонина восторженно произнесла:

– Отдельная!

– К счастью, да, – кивнул я, зная, что отдельная холостяцкая квартира – роскошь даже для ответственных сотрудников НКВД.

Она провела уважительно пальцем на тумбочке в прихожей массивному черному эбонитовому телефонному аппарату. Критически осмотрела дощатую расшатанную мебель с алюминевыми бирками инвентарных номеров «ХОЗУ НКВД». Остановила взор на двухпудовой гире в углу.

– Теперь это твой дом, Тоня, – сказал я.

– Где же ты был? – с укором произнесла она. – Думала, выйдешь – и сразу ко мне... А тут неделя. Месяц... Я же знала, что тебя отпустили. Думала, уже не вспомнишь обо мне... Почему ты только спохватился?

– Боялся.

– Меня?

– За тебя. Знаешь же, что моя жизнь сплошной шторм. Со мной легко уйти на дно.

– А что у тебя есть любящая женщина, которую не пугает опасность уйти с тобой на дно, ты не думал? И что мне больно, ты не думал?!

– Думал. Ты не представляешь, сколько я о тебе думал.

– И что надумал?

– Что я должен прожить свою жизнь по полной. А без тебя это невозможно.

Я обнял ее. Затем отстранил от себя.

– Ладно. Лирику размазывать и разговоры вести будем потом, – я положил на стол связку ключей. – Разберешься, что к чему. А мне на службу.

– Когда будешь? – разочарованно спросила Антонина.

– Когда одну сволочь захомутаю...

Я энергично сбежал по лестнице вниз. Как не вовремя подспела реализация агентурной информации. Не хотел расстраивать Антонину, но сегодня она меня точно не увидит. Если все пройдет нормально, то предстоящая ночь – это допросы и рапорта...

Глава 9

Это все агентурное дело «Корона» – по той самой монархической организации. В рамках этой разработки мы вышли на Ревизора и позорно провалились.

Если мы провалимся и сейчас, у руководства будет полное право задать вопрос – а на черта мы тебя, Ремизов, такого бестолкового, из камеры вытащили и на должность возвели?

Фигурантом у нас был работник крупной французской машиностроительной фирмы, с которой у СССР настолько тесные деловые отношения, что та имеет представительство в Москве. Итак, наш объект – Мишель Моро (он же Миша Моравский), русский по происхождению, из семьи послереволюционных эмигрантов. Он вошел в контакт с функционером разрабатываемой нами монархической организации «Святая Держава». Оперативная комбинация была сложная. Но в итоге наш агент должен был передать ему документы стратегического характера, за что получить полновесную сумму в рублях и фунтах стерлингов – самой надежной мировой валюте.

Поскольку дипломатического иммунитета у эмигранта не было, номер являлся для него смертельным. При провале его ждал советский суд, хоть и справедливый, но к шпионам строгий.

К реализации оперативной информации мы привлекли французское отделение Второго отдела, отвечавшего за контрразведку. Коллеги были счастливы от такого оборота и полны ожиданий.

Опять вечная нервозность при проведении операции – получится или не получится.

Передача должна была состояться в сквере около Большого театра на площади Свердлова. Я ждал в служебном черном, с красной полосой, автобусе в двух кварталах от места встречи, положившись на наружку и наших сотрудников. Ожидать в неведении гораздо тяжелее, чем самому бросаться в атаку. Но я был уверен, что ребята отработают на совесть и без меня. Побуду немножко Наполеоном, посылающим в бой полки...

Не успел я поволноваться по полной программе, как в теплое нутро автобуса завели отчаянно верещащего по-французски эмигранта.

– По-русски говори, рожа эмигрантская! – мой сотрудник не сдержался и отвесил доставленному хороший пинок.

Хотел еще добавить, но Мишель Моро неожиданно вспомнил родной язык. И началось привычное в таких случаях: «Я иностранный гражданин! Это провокация! А подайте-ка мне посла!»

Отвезли мы задержанного не на Лубянку, а на конспиративную базу на севере Москвы. Там мы совместно с сотрудниками французского отделения контрразведки обстоятельно, с толком и расстановкой принялись за него.

– Ты же русский, – укоризненно произнес я, глядя на понуро сидящего на табурете эмигранта в приталенном изящном пальто из дорогого бостона. – А работаешь на французиков, которые Россию исторически всеми фибрами души ненавидят. Это правильно?

– Против большевиков я работаю, а не против России, – буркнул Мишель, которого несколько тумачков и мрачная неофициальная обстановка привели в состояние некоторой откровенности.

– А чем мы тебе не угодили? Благодаря большевикам, а не временному правительству, Россия осталась на карте мира. И она только крепнет.

– Государственным террором она крепнет.

– А представь, какой тут будет террор, если твои европейские хозяева дорвутся до дележа России...

Когда ему разъяснили тонкости законодательства и ответственность за шпионаж, Мишель вообще приуныл.

За полчаса мы его психологически обработали до состояния полной готовности к употреблению. Он дал подписку о секретном сотрудничестве с органами НКВД. После этого я оставил его контрразведчикам.

Что он дальше будет петь – это не для моих ушей. А петь он будет о структуре своего разведывательного органа, руководстве, связях и дальше по мелочам. А потом его потихоньку начнут припахивать для тонких операций. Все как всегда.

Перед тем как я покинул базу, начальник французского отделения негромко сказал мне:

– Низкий поклон вам, товарищи! Хорошую щуку выловили. И теперь кусать она будет по нашей команде.

Мы с Вороновым отправились на Лубянку – к утру должна быть докладная у Плужникова.

В кабинете подняли по рюмке «Перцовки» за удачу.

У Воронова настроение немного поднялось. Последние дни он пребывал в подавленном состоянии духа после смерти своего агента в результате того взрыва. С Бароном они немало прошли вместе и были боевыми товарищами. Однако удача окрыляет и гонит прочь печаль-тоску. Так что лицо моего заместителя просветлело, а от алкоголя еще и щеки зарумянились.

Мы помолчали, думая каждый о своем. И Воронов едва слышно, по своей злобредной привычке, прогнусавил себе под нос: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

– Хороший результат, – бестактно прервал я его вокальные упражнения.

– Будет чем отчитаться, – кивнул Воронов.

– Еще скажи – пыль в глаза пустить. Не-ет. Этот французик только как закуска сойдет. Но основное блюдо у нас другое. Щит, как говорил Плужников. А это другой масштаб... Какая наша наезженная колея? Получили информацию, арестовали врага, расхлопали по решению Тройки. Так далеко не уедем. Мы рубим щупальца спрута. Вырастают новые.

– У противника силы тоже не бесконечны. Перемелем его ресурсы и резервы. И превратится спрут в жалкого слизняка.

– Резервов у него полно. Весь Запад на эти резервы работает. Нас же поджигает время. Видишь, как международная обстановка накаляется. Поэтому стоит подумать, как приручить спрута.

– Чтобы он тянул на себя их ресурсы и резервы?

– Как-то так... Что, считаешь, это фантазии провинциального чиновника?

– Да какие фантазии! Делали такое не раз. Операции «Синдикат», «Трест». Не абы кого, а предводителя левых эсеров Савинкова со знаменитым английским шпионом Рэйли из-за бугра вытащили и в сети словили. Только когда это было. И как подступиться к такому сейчас? Что у нас есть?

– У нас в активе твоя великолепная разработка «Корона». И твои монархисты.

– «Святая Держава»? Эти убогие осколки царизма?

– Недооцениваешь ты их. Это же образцовая контрреволюционная организация. Тщательная конспирация. Подготовленные боевые ячейки. Источники информации в органах государственной власти.

– Поэтому их давить давно пора.

– Задавили бы – и не было бы сегодняшней реализации с французиком. И много чего другого.

– Контролировать «державников» трудно. И там полно бешеных фанатиков. А завтра они Мосводоканал взорвут или здание Моссовета. И тогда что?

– Ключевое слово – контроль. Конечно, парой агентов их контролировать трудно. Но это сейчас.

– А что изменится? Предлагаешь там еще с десяток на вербовать?

– Ты агентурные сообщения своих источников читаешь? В организации раскол. Там сильны позиции «соглашателей», которые уже и не хотят свергать советскую власть, больше выступают за пропаганду своих идей да за возврат Православия. А «непримиримые» и правда не прочь Водоканал с Моссоветом подорвать. И этот раскол усугубляется.

– А нам-то что до их звериной свары?

– Пора вмешаться в их внутреннюю кухню. Раскол так раскол. Чтобы с треском. С пламенем. Керосинчику надо подлить.

– А дальше?

– А вот дальше начнется самое интересное...

Глава 10

Антонину приняли преподавателем в Бауманку. Днем она работала со студентами, а по вечерам корпела, делая расчеты для авиапромышленности. Такая нагрузка не мешала ей поддерживать дома идеальный порядок, при котором сдвинуть с места хотя бы табуретку казалось кощунством.

– Чувствуется женское присутствие, – отметил Воронов как-то утром, критически осматривая меня после совещания.

– Глаженные рубашки?

– И внутренняя бытовая дисциплинированность. Видно, что дома тебя держат в тонусе.

– Это верно.

Держала дом и меня Антонина в своих тонких пальцах крепко. Также успевала она быть в курсе основных событий столичной культурной жизни и часто сетовала, что я не могу составить ей компанию в многочисленных культпоходах.

Вечером, возвратившись с шестой выставки МОСХ – Московского Союза художников, она с восторгом сыпала именами творцов – Платов, Налбандян, новые формы и волшебная палитра, восхитительно, выше всяких похвал! А потом объявила:

– Все же Москва – мой город. Она ложится на душу куда сильнее, чем холодный высокомерный Ленинград.

Кстати, насчет холодов спорный вопрос. В конце января – начале февраля именно в Москве морозы стояли трескучие, так что актуальными стали валенки с галошами, а не туфли и сапоги.

Текущей работы было выше крыши. И постепенно приходила ясность ситуации, четкое осознание направления и перспектив нашей деятельности. Худо-бедно я наметил ближайшие и дальние планы.

В порядке их реализации удалось подписать у Плужникова указание, чтобы вся информация о фактах перехода границы СССР и о задержанных нарушителях незамедлительно передавалась в наше отделение. Многочисленные каналы проникновения в нашу страну служат подпиткой подполья деньгами, оружием и руководящими указаниями. И мне кровь из носа необходимо оседлать хотя бы один из них. Это давало нам возможность маневра.

Перекрыть границу СССР, кстати, самую протяженную в мире, – задача трудновыполнимая и требующая колоссальных средств. В Закавказье, на Дальнем Востоке, на Западе существуют вековые тропы «перевозчиков», по которым до сих пор идут контрабандисты, контрреволюционеры, террористы, отребье всех мастей. Переходят целые банды, особенно в Средней Азии.

Борьба за государственную границу долго шла с переменным успехом. Пока в 1933 году эту вольницу не решили прихлопнуть. Были проведены масштабные мероприятия на польской границе. А потом ОГПУ было предоставлено «право решительных мероприятий по искоренению и выселению враждебных элементов, связанных в прошлом с закордонной белогвардейщиной» в приграничных районах. Вся граница была оборудована контрольными полосами. И пограничники не зевали. Вон один лишь знаменитый Никита Карацупа с его верной собакой на западных рубежах задержал более двух сотен и уничтожил более сотни нарушителей.

Но перекрыть поток полностью – это из области сказок. Хотя трудностей и потерь мы врагу добавили, но он все равно лез тайными тропами, водными и морскими путями – нет предела его фантазии. Даже воздушные шары пытались использовать.

В последние месяцы отмечался резкий рост активности «переправщиков». К чему бы это?

Я уже трижды направлял сотрудников в командировки. Но пока устраивающего меня результата не было. Однако необходимо было взять под оперативный контроль хотя бы одно «окошко».

Шкурой я ощущал, что наиболее перспективное направление – это работа с монархистами из «Святой Державы». Там открывались такие заманчивые направления...

За французского эмигранта мы получили благодарности. Новых горячих дел не намечалось. И мы стали наступательно окучивать «державников». По этому поводу предстояла контрольная, то есть с участием руководителя в моем лице, явка с агентом.

Явочное помещение представляло собой пыльную комнату со скудной мебелью в роскошном здании клуба имени Зуева на Лесной улице, выполненном в стиле недавно попавшего в немилость угловатого конструктивизма. Там я и Воронов вечером встретились с Атлетом.

Извилистым зигзагом пришел этот агент к сотрудничеству с нами. Воронов отрекомендовал его как человека верного, до отчаяния решительного и немного сумасшедшего.

Агент не сильно соответствовал своему псевдониму. Лет около тридцати, долговязый, сгорбившийся. Плечи узкие, шея тонкая, небритое треугольное лицо, огромные бесцветные глаза – далеко не красавец. Узкая щеточка усов придавала ему вид легкомысленный. Руки все перевиты жилами, пальцы длинные и цепкие. Такие люди обладают недожинной физической силой.

Мне хотелось понять, годится ли он для той роли, которую мы ему отвели. И я закинул невзначай пару вопросов:

– Даниил Аркадьевич. А вообще есть тебе смысл с нами повязываться все крепче? Не тянет к спокойной жизни?

– Не тянет, – нахмурился он и добавил с некоторым раздражением: – Я всегда искал дело, ради которого можно отдать свою жизнь! И сделать наш мир лучше.

– И как?

– После многих ошибок нашел такое дело. Надо быть не только со своим народом. Надо все сделать, чтобы этот народ остался на Земле...

Понятно, еще один философ. Судя по полыхнувшему фанатизму в глазах, совершенно искренен. И правда, жизнь готов отдать. А вот забрать чужую жизнь?

Я объяснил ему стоящую задачу и спросил:

– У тебя духу хватит в случае необходимости отработать по своим?

– Отработать? Это уничтожить?

– Притом собственными руками.

– По некоторым – ни секунды не задумываясь. По другим – никогда. Хоть расстреляйте.

– А в разрезе нашей ситуации?

– Отработаю. Этих не жалко.

– А теперь будем думать, как взорвать ситуацию окончательно.

Мы еще раз тщательно обсудили сложившиеся расклады в подпольной организации «Святая Держава».

Руководитель организации – Лев Дмитриевич Асмолов, бывший царский полковник, неплохо устроившийся и при советской власти, избежавший чисток. Он же лидер фракции «соглашателей». Договорился на одном заседании до того, что большевики сохранили Россию и в преддверии войны надо бы их вообще начать всемерно поддерживать.

Противоположная фракция «непримиримых». Ее лидер Афанасий Кулагин, бывший белый офицер с очень мутной биографией. Говорят, прославился участием в массовых казнях большевиков и им сочувствующих на Юге России, до сих пор вынужден скрывать свою истинную личину. Обладает глубокими познаниями оперативной работы, вся конспирация организации – его личная заслуга.

Его правая рука Иван Лопарь, тридцати годков от роду, из семьи крестьян-бедняков. Пробивной, упрямый, умный, своим горбом пробивший путь наверх, получивший высшее образование, а потом и должность в структуре Московского Совета. Что его занесло к монархистам – непонятно. Скорее всего, деньги или общие грязные делишки. Он не из тех, кто будет подставлять шею за абстрактные идеалы. Теперь он самый непримиримый из непримиримых и все время призывает «пустить красную кровь красным поганцам».

Еще один интересный типаж – Георгий Панасюк. Странная личность с явно уголовным прошлым и психопатическим стремлением к насилию и разрушению всего на своем пути. Этот готов на любые преступления. Такой личный цепной пес Кулагина.

Остальная часть верхушки организации колышется, не зная, к кому примкнуть, и выжидая.

Есть еще массовка. Десятки человек – сколько, вообще неизвестно. Это члены организации, боевики, сочувствующие, кандидаты на прием. В целях конспирации они поделены на ячейки от трех до одиннадцати человек. С вышестоящими господами контактирует только лидер ячейки, да и то далеко не каждый. Широко используется самый широкий арсенал средств конспирации: явочные помещения, конспиративные передаточные пункты, тайники-закладки, пароли, моментальные встречи.

Были провалы, когда «державники» теряли людей низшего звена. И система конспирации пока себя оправдывала – наверх нить не тянулась. А однажды мокрушник Панасюк лично обрубил ее, уничтожив засветившегося командира ячейки, который был под колпаком чекистов и мог много чего поведать.

С ресурсами у организации дело обстояло не слишком гладко. Хронически не хватало финансирования, хотя лидеры и умудрились в свое время, в смуту Гражданской войны и НЭПа, хорошо хапнуть на дело борьбы с большевизмом, да еще золотишко с царских времен осталось. Но средства постепенно иссякали. А организация требовала больших материальных затрат, поскольку по-настоящему серьезные агенты работали с ней за деньги. Была надежда на Зарубежье, но контакты с ним не заладились с самого начала.

Интересно дело обстояло с оружием. Один из «державников» был интендантом царской армии, после Февральской революции умудрился попрягать в лесах да по замаскированным складам массу винтовок, пулеметов, взрывчатки. Не на дивизию, конечно, но на пехотно-саперную роту хватит. Поэтому «непримиримыми» все время муссировались идеи о силовом ударе по прогнившему коммунистическому режиму.

– Надо расширить раскол, – сказал я, внимательно выслушав речь о расстановке сил в «Святой Державе».

– Как? – спросил Атлет.

– Сможешь убедить соратников, что бессменный лидер и вместе с тем соглашатель Асмолов потихоньку начинает путаться с чекистами?

– Кто поверит? – отмахнулся Атлет.

– Так мы поможем... Говоришь, коллекционер он.

– Ну да. Камей старинные коллекционирует. Это такое ювелирное изделие из драгоценных и полудрагоценных камней с рельефным изображением.

– Да знаю, – отмахнулся я. – Скажи, он похвастаться ими любит?

– Это да. Тут у него нездоровое тщеславие.

– Ну, вот мы и подкинем ему подарок. И еще подготовим пару сюрпризов по поводу его ближнего окружения. На тебя надеюсь. Ты у нас единственный реальный исполнитель.

– Что могу – сделаю...

У меня в голове все четче и детальнее обрисовывался план наших действий. Игра намечалась многоплановая и долгая.

Был один момент. Нельзя в таких делах слишком полагаться на чужие источники информации. Быстро утратишь инициативу и контроль, что может завести неизвестно куда. В этой комбинации нужна своя мощная фигура. И она у меня была. Великопольский. Тот самый старый друг-враг с Гражданской войны, который сдал мне «Картель».

Пока я Великопольского не трогал. Но справки навел. Он сейчас в Москве. Месяц назад его перевели с «Пролетарского дизеля» специалистом в Наркомат оборонной промышленности. И пора бы его уже навестить. И включить в агентурную игру.

В конце встречи Атлет собственноручно написал агентурное сообщение. Воронов отметил, что встреча контрольная, в присутствии начальника отделения. Бумаги должны быть в порядке – это закон для нашей службы.

На том и расстались с Атлетом...

Глава 11

Машина ждала нас в переулке у Лесной улицы, в паре кварталов от клуба имени Зуева. Пришлось пробиваться в свете редких уличных фонарей через пушистую и быструю московскую метель, которая стремилась облепить липким снегом одежду, лезла холодными ледяными щупальцами за шиворот.

– На Лубянку? – спросил водитель, когда мы с Вороновым, отряхнувшись от снега, расселись в салоне.

Я посмотрел на часы. Уже половина девятого.

– Давай-ка по домам, – предложил я Воронову. – Нам перед большими делами отдохнуть надо.

– Как скажешь, товарищ начальник, – кивнул мой заместитель.

Машина пробиралась сквозь метель. И мне вдруг показалось, что снег захватывает в плен, пробирает холодом не московские улицы, а само мое существо.

Я с некоторой тоской подумал о том, как только что мы запланировали очередные кровавые лихие атаки с рубкой подвернувшихся голов. Необходимо это? Несомненно! «Враг не сдастся – его уничтожат» – по такому принципу мы живем. Но когда эти враги наконец кончатся и мы перестанем махать шашкой? И как нам оставаться в такой рубке совестливыми людьми, понимающими, что зло только оттеняет добро в этом мире, а не владеет им? И где те якоря, которые не дадут нашим душам сорваться и быть унесенными в море тьмы и безысходности?

Есть такие якоря. Это близкие люди. Которых никогда и ни в коем случае нельзя отпустить от себя. Чтобы метель окончательно не замела скованную холодом душу.

Ну, я и не отпущу. Именно сейчас, выходя из машины и прощаясь с Вороновым, я решил...

Антонина корпела над расчетами. Отвлеклась от них. Обняла меня крепко.

– Сейчас ужин разогрею.

– Да подожди ты с ужином, – я стянул пыжиковую шапку, шубу и теплые ботинки с галошами. Плонулся в расшатанное кресло. И неожиданно произнес: – А знаешь, порой частная собственность – это даже очень неплохо.

– Это ты о чем? – настороженно посмотрела на меня Антонина, решив, что я слишком много на работе общаюсь с контрреволюционерами и оттого в мою голову лезут такие дикие мысли.

– Ну, это же хорошо, когда один человек юридически принадлежит другому.

– Так, Ремизов, – строго посмотрела на меня Антонина. – Загадки загадываем?

– Да какие загадки. Давай-ка вздохнем поглубже, да и прыгнем послезавтра с разбега в прорубь. То есть в ЗАГС. Согласна?

– Согласна, конечно. А ты что, ждал другого ответа?

– Я ждал именно этого ответа. И к радости своей, дождался, – я прижал ее к себе. – И фамилию мужа возьмешь.

– Возьму.

Вот обо всем и договорились. Оказалось совсем просто...

Глава 12

Какой-то странный переход из одного агрегатного состояния в другое, как вода превращается в лед или в пар. Раз – и ты женатый человек с кучей обязанностей. Вроде бы ничего это не значит, но тебя будто проклеямили. И если спутник жизни желанен и дорог, то от этого клеймения испытываешь душевный подъем, а не скованность, тесноту, а потом уныние, когда человек тебе не подходит.

У нас с Антониной все было прекрасно. То есть радостно, оптимистично. И я надеялся, что так будет и впредь.

В последнее время побеждало мнение, что свадьбы – это пережиток прошлого, тягостный средневековый обряд. Стоят дорого, выглядят как балаган, а толку никакого, кроме пьяных мордобоев. Деревня по мере скудных материальных сил еще старалась соблюдать традиции. А в городах многолюдные свадьбы праздновали все реже, хотя на рабочих окраинах порой гуляли на всю катушку – с гармошками и хороводами.

А нам-то чего гулять? Город чужой. Родственников нет. Решили отпраздновать в узком кругу. Точнее, это даже не круг, а черточка такая между двумя точками – мной и Тоней. И это было хорошо. Это счастье было наше, и мы не хотели делиться им.

Правда, наше затворничество долго не длилось. Только я успел откупорить бутылку «Советского шампанского», как дробно зазвенел старорежимный, на веревочке, звонок.

Сердце всегда екает от вечерних звонков. За неожиданными визитами всегда простирается неизвестность. А в ней могут таиться чудовища. Поэтому дверь я приоткрыл с опаской. А потом сорвал цепочку и крепко обнял стоящего на пороге человека, приговаривая:

– Ну, ты прям вылитый леший на вид!

И правда, в огромном белом тулупе, пышной заячьей шапке он походил на лешего. Да еще густая борода его просто преобразила. Где та канцелярская чернильница, которой он казался неопытному взгляду в бытность моим заместителем?

– Поруководи леспромхозами с мое! – хмыкнул Фадей.

Антонина расплылась в радостной улыбке. Фадей галантно поцеловал ей ручку. Не выдержал и расцеловал в обе щеки.

Я его ждал уже несколько дней. Телеграммой проинформировал об адресе своего проживания и велел по прибытии в столицу сразу двигать ко мне. Вот он здесь, как подгадал. У него талант оказываться в нужное время в нужном месте.

– Эх, родные вы мои. Как же я мечтал свидеться... – Фадей посмотрел на заставленный скромной закуской стол. – Что празднуем?

– Как бы свадьба.

– Везет же мне! С корабля на бал!

Таким образом, за столом нас стало трое. Можно сказать, полноценная свадьба.

Выпили за молодоженов. За нашу счастливую новую семью. И, наконец, за добрую и хорошую жизнь.

Фадей поднял бокал:

– Ну что, друзья мои. Жизнь у нас на подъеме. Всего-то надо было – одному посидеть в тюрьме, а другому ударно пилить бревна в тайге. И вот мы москвичи. И весь мир наш. Не знаю, по заслугам ли или по страданиям, но мы получили еще одну возможность реализовать себя. Отдать свой опыт и силы нашей стране, на которую, думаю, не держим обиды. Как чекисты ведь знаем – всякое бывает, и надо быть готовым к испытаниям и даже несправедливости. Такая у нас служба... А сейчас выпьем за то, чтобы этот новый шанс использовать ради нашего общего праведного дела. Времена ныне нелегкие. Думаю, партия и страна потребуют от нас многого. За то, чтобы нам хватило сил вынести любую ношу с честью и достоинством.

Потом мы с Фадеем вышли покурить на лестничную площадку – Антонина не выносила табачный дым.

Фадей вытащил свой увесистый серебряный портсигар, в котором, как винтовочные патроны, были разложены с тщанием приготовленные им самокрутки. Закурил, и от этого дыма я закашлялся. Мой друг курил дико ядреный табак – и где только его брал. По воздействию его вполне можно было приравнять к химическому оружию.

– Спасибо тебе. Твоими молитвами здесь, – сказал Фадей. – Как распоряжение получил, даже вещи не собрал – на жену все бросил. И в Москву.

– Соскучился по настоящему делу?

– Закисать стал в тайге. А настоящей работы я не боюсь.

– Будет тебе настоящая работа, товарищ старший лейтенант госбезопасности.

– Уже приказом назначен?

– Назначен. Завтра едем в наркомат. Ты в моем отделении. Пока оперуполномоченным... Насчет работы ты прав. Дела нам предстоят отчаянные. Включишься сразу, без подготовки и адаптации. Мы тут одну акцию готовим. И ты очень нужен...

Глава 13

– Тут сам черт ногу сломит! – крикнул Фадей из подпола.

Я спустился следом за ним вниз по расшатанной скрипучей лесенке. В подполе было холодно, все пропахло кислыми гнилыми запахами. Луч фонаря скользил по кадкам, ящикам. Их было столько, что, казалось, здесь ничего невозможно найти.

Но мы нашли. Отодвинули в сторону пустую кадку, под которой оказался деревянный люк. Вниз шла ржавая металлическая лестница. А там...

Три винтовки системы Мосина. Ящик патронов. Но это все мелочи жизни. Интереснее были несколько ящиков динамита в комплекте со взрывателями, бикфордовыми шнурами и прочими необходимыми для взрывного дела атрибутами.

– Нашли, – с облегчением произнес я.

Поднявшись наверх, я обратился к хозяйке дома – старушке лет за семьдесят, крепкой и сухонькой, с хитрым и злым взглядом:

– Откуда динамит, мать?

– Какой такой динамит, милоч! – всполошилась та.

– Ящики тебе кто оставил?

– Я паспорт не спрашивала. Лешка да Сережка. Обходительная молодежь. Культурная.

– А зачем разрешила?

– Ну, так попросили. Я же не знала, что там и почему. Просят люди вещи подержать. А мне трудно, что ли. Они мне подсобят, я – им, – говор у старушки был нарочито деревенский, но некоторые словесные обороты показывали, что она из городских да образованных. Так что неспроста ее дом в деревне Строгино – считай, в черте Москвы, стал складом оружия «державников».

– Собирайся, мать, – поднявшийся из подпола Фадей отряхнулся от пыли. – Разговор долгий будет.

– Да куда ж я от дома поеду?! Не хочу!

– А кого твое «хочу – не хочу» интересует?

Понятно, что допрос, скорее всего, окажется бесполезным. Старушка будет изворачиваться и играть дуру непонятливую. Но это неважно. Главное, наш план реализовывался. Мы разыгрывали партию со «Святой Державой» как по нотам. «Державники», правда, еще не знали, что они в игре, но вскоре узнают. И мало им не покажется.

Три дня назад верхушка монархической организации собралась на даче у Акуловой горы – по Ярославскому направлению, куда с начала тридцатых годов ходили регулярные электрички. Дискуссии там разгорелись жаркие, вплоть до вызовов по дворянской привычке на дуэли. Раскол усугубился. «Соглашатели» доказывали, что цели «Святой Державы» и советского правительства совпадают, перед лицом внешней угрозы следует перейти от противостояния к поддержке советской власти. «Непримиримые» призывали к активным действиям, готовые хоть с чертом договор заключить, лишь бы против большевиков. Для начала предлагали устроить «краснопузым» небольшое лечебное кровопускание с последующим переходом в кровавую баню. Да и повод наметился – Восемнадцатый съезд ВКП(б) на носу. Успешная силовая акция сплотит единомышленников, покажет дееспособность организации.

Противоречия накапливались. И нам выгодно было разогреть ситуацию и довести ее до точки кипения.

Вот и нанесли мы удар по складу со взрывчаткой, как раз подготовленному «непримиримыми» для начала активной фазы...

Как мы и ожидали, сразу после нашего налета на склад «непримиримые» собрались в узком кругу, судить-рядить, каким образом их заначка стала известна чекистам. И чем это

чревато. На этом сборище присутствовал наш агент Атлет, умело изображавший из себя ярого приверженца активных действий.

На собрании было сказано, что хозяйка дома, где находилось оружие и взрывчатка, ведать не ведала о «Святой Державе», а про функционеров, загружавших склад, знала только их фальшивые имена. Так что эта ниточка следователей НКВД не приведет никуда. Но встает вопрос – каким образом чекисты вообще узнали о тайнике?

Тут Атлет выдал тщательно просчитанную драматичную реплику:

– А нет ли здесь предательства, господ?

Мысль эта соратниками сперва была с негодованием отвергнута. Будь это предательство, тогда бы всю организацию арестовали.

– Всех и арестуют, если будем спать и не видеть очевидного, – сказал Атлет.

Зерна упали на благодатную почву. И предводители «непримиримых» потеряли сон.

А потом появилась камея.

Лидер организации и главный «соглашатель» Лев Асмолов еще с дореволюционных времен коллекционировал камеи. Как все истинные коллекционеры, был на этой почве слегка умалишенным. Один из его оппонентов из числа «непримиримых», но вместе с тем старый боевой товарищ Павел Приходько был большим знатоком антиквариата. Асмолов всегда показывал ему свои приобретения. В очередную встречу продемонстрировал удивительную античную камею:

– Смотрите, Павел Иванович, что можно найти в Москве по дешевке. Явно с Тавриды.

– Где взяли?

– Досталась по случаю, – самодовольно произнес Асмолов, не обращая внимания, как соратник побледнел и как-то опал с лица.

Дело в том, что камея принадлежала двоюродному племяннику Павла Ивановича и являлась семейной ценностью. Самого племянника арестовали месяц назад по подозрению во вредительстве, так что камея в числе других изъятых вещей должна лежать в хранилище НКВД. И тут она оказывается у Асмолова.

Эх, каких же трудов нам стоило подсунуть этот предмет Асмолову через сотрудника антикварного магазина, который по доброй традиции, как и многие его коллеги, являлся осведомителем НКВД. Но Приходько, понятно, эти подробности были неизвестны. Потому он собрал срочную сходку «непримиримых». И выдал там эту историю.

– Никакой загадки тут нет, – отмахнулся Атлет. – Вещь была у чекистов. Теперь у Асмолова. Какой напрашивается вывод?

– Что ее дали чекисты, – мрачно произнес лидер «непримиримых» Кулагин.

– Плата за сотрудничество, – пояснил Атлет.

– Но тогда нас бы уже всех арестовали! – подал голос ушлый Лопарь, повторяя уже высказанный на прошлом собрании и выглядящий вполне убедительным довод.

– Вы держите Асмолова за дурака? – усмехнулся Атлет. – Зачем отдавать сразу весь товар за три копейки оптом? Он будет скармливать нас чекистам постепенно. Сначала склад отдал. Теперь будет сдавать людей.

– Если уже не сдал, – буркнул, одарив всех яростным маньячным взором, уголовник Панасюк.

– Вряд ли, – буркнул Кулагин. – Тогда мы бы уже отдыхали от забот в подвалах НКВД. Чекисты обычно не тянут с расправами.

– Что предлагаете? – засуетился перепуганный Лопарь.

Атлет лишь пожал плечами – мол, не его ума дело, пусть кто повыше решает. А Кулагин яростно прошипел:

– Сухие ветви рубят.

Решение о ликвидации «соглашателей» было принято голосованием фракции при одном воздержавшемся...

Глава 14

Асмолов обитал в пятиэтажном доме в тихом арбатском переулке. Работал ведущим специалистом в службе Мосводоканала. Почему-то все наши враги – что монархисты, что троцкисты, материально пристроились в ненавистном им государстве очень неплохо. Вот и у этого – отдельная, хотя и тесная, квартира на третьем этаже, в то время как комната в коммуналке в кирпичном доме москвичам за счастье приходится, а многие вообще теснятся в общагах и в бараках с удобствами во дворе. Но советская власть ценила специалистов с высшим образованием и опытом практической работы, осыпая их всяческими благами.

Атлет подергал шнурок звонка.

– Кто там? – послышался из-за двери недовольный голос.

– Открывайте, Лев Дмитриевич, – сказал Атлет. – Это Даниил.

Я с любопытством ждал, когда дверь откроется. И вот увидел на пороге по-военному подтянутого, сухого, с бородкой клинышком и колючим взглядом человека лет шестидесяти. Он был завернут в шикарный бархатный халат.

Нас он одарил яростным взглядом и прошипел зло:

– Даниил! Вы сошли с ума!

– Дело срочное, Лев Дмитриевич... Что, так и будем привлекать внимание соседей?

Асмолов махнул рукой – мол, заходите. Но продолжил выговаривать уже в коридорчике: – Вы нарушаете все правила. Заявляйтесь ко мне на квартиру. Притом с незнакомым человеком. И именно вы! Мой ярый противник!

– Да какие правила, когда все летит к чертям?

– Это писанные кровью правила конспирации!

Мы прошли в комнату и расселись за просторным круглым столом, в центре которого стояла бронзовая сахарница.

– Конспирация, ха! – хмыкнул Атлет. – Вам жить от силы три часа осталось, а вас все конспирация волнует.

– Что?!

– Фракцией «непримиримых» открытым голосованием принято решение о ликвидации «соглашателей». Вас, Петровского и Калютина.

– Что за горячечный бред?!

– Вы так думаете? – усмехнулся Атлет.

В двух словах он объяснил, что удар по «соглашателям» назначен примерно на одно время, чтобы жертвы никак не узнали о происходящем и не предприняли ответные меры. В час атаки убирают всех. Списывается акция на банальную уголовщину. Мало ли в милиции нераскрытых дел.

– Вы... – Асмолов окинул презрительным взглядом Атлета. – Вы же сами из этих сумасшедших, которые готовы на все!

– Я из тех, кто понял, что они сумасшедшие. И готов помочь. Вместе с моим близким другом, – Атлет кивнул на меня. – Членом нашей организации.

– Вы хитрите и ведете свою игру. Я вам не верю!

– Так проверьте... Разве Кулагин не обещал навестить вас сегодня вечером?

– Это уже совсем не ваше дело.

– Он сказал, что у него срочный и очень важный вопрос. Намекнул, что согласен на компромисс, чтобы утрясти накопившиеся противоречия между фракциями. И он придет... Придет вас убивать.

– Ну, право, что за глупости!

– Вот и посмотрим. Мне тут с вами лясы точить недосуг. Оставлю вам моего доброго товарища, чтобы подстраховал вас на предмет неожиданностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.